

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-444-459

**ПРИВАТИЗАЦИЯ СОБСТВЕННОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ
РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ РАДИКАЛИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ЭФФЕКТИВНОСТЬ***Беляева Людмила Александровна**Институт философии РАН*

Обсуждаются проблемы и социальные последствия приватизации государственной собственности в России. Раскрывается социальное содержание отношений собственности, их связь с юридическими и экономическими отношениями и их влияние на радикальные социальные изменения в жизни России. Десоциализация собственности считалась ключевой стратегией экономической реформы, но ее осуществление не привело к росту эффективности экономики и не породило собственника, действующего в условиях рыночной конкуренции. Показано, что снизился технический потенциал гражданских отраслей, сократилась численность занятых в индустриальном секторе, развитие высокотехнологичных и информационных услуг отстает от потребностей инновационной экономики. Причины заключаются в недостаточной подготовленности правовых и институциональных основ трансформации отношений собственности, прежде всего по отношению к крупным государственным предприятиям. Сложившаяся смешанная экономика развивается в рамках системы «власть – собственность», что существенно снижает самостоятельность предпринимателей, ограничивает их инвестиционную активность, стимулирует «бегство» капиталов за рубеж и паразитарное потребление. Структура экономики — отраслевая и по формам собственности, как можно судить по достигнутым за два с половиной десятилетия результатам, не отличается эффективностью. В современных условиях для экономического подъема и развития нет стимулов, направляющих созидательную энергию наиболее активных субъектов развития — предпринимателей и представителей среднего класса. Можно предположить, что на новом этапе экономического развития будет возрастать роль государства и государственных предприятий, но одновременно необходимо улучшать институциональные условия предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: социальные отношения собственности, десоциализация собственности, смешанная экономика, «власть – собственность», структура экономики, коррупция, предприниматели, средний класс.

**PRIVATIZATION OF PROPERTY IN POST-SOVIET RUSSIA:
SOCIAL RADICALISM AND ECONOMIC EFFECTIVENESS***Ludmila A. Belyaeva**Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences*

The article discusses the problems and social consequences of privatization of state property in Russia. The author analyses social content of property relations, their relationship with legal and economic relations and their influence on radical social changes in the life of Russia. Desocialization of property up to now was considered as a key strategy for economic reform, but its implementation did not lead to an increase in the efficiency of the economy and did not generate the owner who could operate under conditions of market competition. The article shows that technical potential of peace-time industries has decreased, the number of people employed in the industrial sector has decreased, the growth of high-tech and information services has lagged behind the needs of the innovative economy. The reasons for this downfall are rooted in insufficient prepara-

tion of the legal and institutional framework for the transformation of property relations, primarily with respect to large state-owned enterprises. The developed mixed economy evolves within the framework of the «power – property» system, which significantly reduces the independence of entrepreneurs, limits their investment activity, stimulates the «escape» of capital abroad and parasitic consumption. The structure of the economy – sectoral and by forms of ownership, as can be judged from the results achieved over two and a half decades, is not effective. In modern conditions for economic recovery and development there are no incentives that direct the creative energy of the most active subjects of development — entrepreneurs and the middle class. It can be assumed, that at the new stage of economic development, the role of the state and state enterprises will increase, but at the same time, it is necessary to improve the institutional conditions of entrepreneurial activity.

Keywords: social property relations, desocialization of property, mixed economy, «power – ownership», economic structure, corruption, entrepreneurs, middle class.

Произошедшие в России в последние 25 лет изменения отношений собственности не обрели пока законченных форм, они продолжаются и затрагивают жизненные интересы групп и слоев, коллективов и отдельных граждан. Можно без преувеличения сказать, что эти изменения самым существенным образом сказались на всей системе жизнедеятельности общества. Их изучение позволяет отличить главное от второстепенного в развитии страны, их надо понять и объяснить и, не предаваясь скоропалительному осуждению, найти им место в современном бытии России, увидеть будущее, которому они являются прологом.

Большая часть аналитических и проектных работ по проблемам собственности подготовлена юристами и экономистами [1, 2, 3, 4]. Продолжает создаваться современная история преобразования государственной собственности, существовавшей десятилетиями в Советском Союзе, в частную. Этот процесс часто рассматривается как магистральный путь ухода от тотальности, от несвободы индивида к творческой активности и свободе. Но по мнению С. Никольского, не может быть успешным процесс разгосударствления собственности без свободы и развития творческой активности человека, ею обладающего. От того, насколько успешно и гармонично эти качества укоренены, зависят конкретные проявления экономической, политической, социальной и культурной жизни общества, в конечном счете его прогресс или его деградация [5]. Существует литература, в которой рассмотрены социальное влияние и последствия изменений в отношениях собственности в России, охарактеризованные через субъективные оценки этого процесса [6, 7]. Но довольно редко встречаются публикации, в которых анализируются объективные процессы изменения социальных отношений и социальных взаимодействий сторон, вовлеченных в экономические и юридические отношения собственности [8, 9]. Между тем это поле столкновения интересов больших групп людей и отдельных индивидов, на

котором в течение четверти века разыгрываются настоящие драмы. Это такой переходный период, который, по аналогии с утверждением Зигмунта Баумана, можно определить как *interregnum*, состояние неуверенности, когда будущее предвидеть невозможно, мы даже не знаем, как предвидеть развитие событий [10]. Но, несмотря на латентный характер многих процессов перетекания собственности из государственных в частные руки, некоторые социальные последствия уже достаточно четко обозначились. Причем не все они негативные, существует определенный баланс положительных и отрицательных последствий изменения отношений собственности.

Можно выделить следующие ключевые социальные проблемы, связанные с процессами изменений отношений собственности в России: изменения социальной структуризации общества и углубление социального неравенства, в том числе связанного с материальным расслоением; воздействие на объективную сторону социальной справедливости как наличие равных стартовых возможностей и социальных лифтов для людей, имеющих разное отношение к собственности, а также субъективные оценки этих возможностей; состояние социально-политической консолидации в обществе, связанное с субъективными мнениями о справедливости в перераспределении государственной и общественной собственности в стране; относительное сокращение материальной и социальной поддержки «слабых» слоев, которые не могут самостоятельно решать свои жизненные проблемы. В поле этих и других кардинальных перемен есть большой круг исследовательских задач для социальных философов, социологов и психологов.

В этой статье будут затронуты только три аспекта социальных отношений собственности. Во-первых, будет прослежена эволюция понятия «собственность» в междисциплинарном дискурсе; во-вторых, институциональные изменения в отношениях собственности в постсоветской России; в-

третьих, социальные эффекты становления смешанной экономики. И хотя собственность это, прежде всего, экономические и юридические отношения, складывающиеся по поводу принадлежности вещей, материальных и духовных ценностей определенным физическим и юридическим лицам, которые обладают правом на владение, использование и распоряжение объектами собственности, в данной статье внимание будет концентрироваться на современном социальном содержании отношений собственности. Но, конечно, нельзя избежать в рамках такой темы экономического и юридического толкования данных отношений. И все же главным образом мы будем рассматривать социальные отношения, которые складываются в обществе по поводу собственности между людьми, организациями, государством.

Собственность как междисциплинарное понятие

Собственность как понятие довольно рано получила свое определение в истории общественной мысли, меняясь по мере развития общества и появления новых общественных теорий. Собственность как понятие обозначает вещь, имущество, но одновременно и исторически определенные отношения между людьми, которые касаются владения, пользования, распоряжения конкретной вещью. Если для Аристотеля это имущество, «все, стоимость чего измеряется деньгами» [11], то для ученых-меркантилистов эпохи зарождения капитализма — это понятие означало, прежде всего, богатство, выраженное в накоплении золотых и серебряных монет. В монографии Ю.К. Плетникова «Собственность и богатство. Интеллектуальная хроника раннего капитализма в Западной Европе» довольно подробно рассмотрена идея собственности в трудах философов от эпохи зарождения капитализма в XV–XVI вв. до философии собственности в системе абсолютного идеализма Гегеля (XIX в.). Очень жаль, что автор не смог продлить свое исследование до современного периода. Но ему удалось рассмотреть, как материалистическая идея была реализована в концепциях собственности у английских философов-экономистов, показать, какое место занимали собственность и богатство в классической буржуазной политической экономии XVIII в., как интерпретировали собственность и богатство французские энциклопедисты XVIII в., как рассматривали идею собственности великие социалисты-утописты XIX в. — Сен-Симон, Фурье, Оуэн [12]. С развитием капитализма менялось и само содержание понятия «собственность».

У теоретиков марксизма собственность — это исторически определенная общественная форма присвоения материальных благ, выражающая отношение людей друг к другу в процессе общественного производства.

Сегодня собственность как понятие и отношение стало предметом исследования в междисциплинарном дискурсе. В. Лапаева подчеркивает, что это, прежде всего, серьезная социально-философская проблема, то или иное понимание которой лежит в основе государственной политики в области экономических и политико-правовых отношений, а значит, в конечном итоге определяет и все остальные сферы общественной жизни страны [13]. Философский анализ собственности, проведенный В.В. Библихиным, проясняет эпистемологический смысл самого понятия. При рассмотрении, казалось бы, острой политической проблемы — проведения приватизации государственной собственности в России в конце XX в. В.В. Библихин раскрывает философско-лингвистическое содержание понятий: «собственность», «собственник», «частная собственность», «приватный», «приватизация» и др. Он пишет: «Даже не зная истории нашей страны, которая стала в XX веке уникальным экспериментатором с собственностью и продолжает таким быть сейчас, можно было знать, что все тут окажется неожиданно и непросто, вслушиваясь в это слово: собственность. В нем звучит собственное, как настоящее, подлинное, само. Это не прихоть языка. В собственности собственного свое слышится не зря. Собственность всякая с самого начала обречена на прояснение дознавания до своей собственной сути. То, что кому-то кажется досадной многозначностью, проблемой лексикографа, — на самом деле скромная верхушка айсберга. Не лексические заботы заставляют нас обращать внимание на загадочное удвоение в речи собственного якобы тавтологичным своим и наоборот. ...Почему слово, на котором держится право владения, “частная собственность”, говорит о части? Не слышится ли здесь частичная, несобственная собственность в сравнении, например, с государственной и общественной, более прочной и важной? “Приватный”, “приватизация” происходит от того же доисторического слова, что наше “прочь”, “опричник”. Что выставлено, отделено, выпало опричь, то в исконном понимании “приватно”. Значит раньше приватного, частного то, из чего надо было отсечь, отрубить часть? Отруб, отрубное именье — независимое от латинской модели и параллельное ей русское образова-

ние, которое повторяет связанную с частным идею отделения» [14]. Созвучна этим рассуждениям и мысль С. Никольского, для которого собственность обозначает свободу или несвободу человека распоряжаться самим собой, быть собственником самого себя или не быть таковым, пребывать в зависимом состоянии [5].

В практической плоскости понятия собственности и отношения собственности разрабатываются, прежде всего, в юридических и экономических науках и используются в соответствующих практиках. Обобщенно можно сказать, что это определенное экономическое отношение оформленное в виде правовых отношений, в соответствии с действующими принципами и нормами права. В ст. 212 Гражданского кодекса РФ собственность как экономическая категория — это принадлежность вещей, материальных и духовных ценностей определенным лицам — физическим или юридическим, государству или муниципальным образованиям. Отношения собственности — это отношения между людьми, организациями, вытекающие из прав на объекты собственности, связанные с переходом собственности из одних рук в другие, дележом собственности, возникновением новых прав собственности [15]. Совокупность вещей, принадлежащих данному собственнику, составляет имущество соответствующего лица, поэтому отношения собственности называются также иногда имущественными отношениями.

Объекты собственности в современном обществе делятся на материальные (вещи, финансовые продукты, земля, недра) и нематериальные. Последние включают в себя интеллектуальную собственность как результат интеллектуальной деятельности, охраняемый патентным правом, и приравненные к нему средства индивидуализации юридического лица — фирменное название, товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товара; а также результаты творческой деятельности, охраняемые авторским правом, — произведения науки, литературы и искусства, программы для ЭВМ, базы данных и т.д. Переход к позднеиндустриальной и информационной экономике сопровождается сужением имущественных отношений и расширением интеллектуальных отношений собственности.

Отношения собственности с юридической стороны представляют собой совокупность отношений владения, пользования и распоряжения (так называемая триада трех полномочий), формирующих и закрепляющих экономические отношения в

принципах и нормах права. В соответствии со ст. 209 Гражданского кодекса РФ (принят Государственной думой 21 октября 1994 г.) «собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и не нарушающие права и интересы других лиц, также отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом» [www.zakonrf.info]. В Конституции РФ и Гражданском кодексе РФ установлены три формы собственности: государственная (федеральная и субъектов РФ), муниципальная и частная.

В Гражданском кодексе РФ, в самой первой его главе, утверждается, что «гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты» [http://www.zakonrf.info/gk/ch1/].

Знаменательно, что право неприкосновенности собственности поставлено Гражданским кодексом на первое место как важнейшее гражданское право, обеспечивающее стабильность общественных отношений. Это право соответствует положению Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и Всеобщей декларации прав человека 1948 г. В первой из них было провозглашено: «Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, то никто не может быть лишен ее иначе как в случае установленной законом несомненной общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения». Во втором документе в ст. 17 говорится: 1. Каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими. 2. Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества.

Следование этим международным принципам в современной России означало принципиальный отказ от действовавших положений Гражданского кодекса РСФСР от 11 июня 1964 г. В статьях 94 и 95 этого кодекса были определены только два вида собственности — социалистическая и личная. Социалистической собственностью являлись: государственная (общенародная) собственность; колхозно-кооперативная собственность; соб-

ственность профсоюзных и иных общественных организаций. Наличие таких правовых норм отнюдь не означало невозможности их нарушения и использования государственной социалистической собственности для личного обогащения, но это пресекалось по закону.

Основу личной собственности граждан составляли трудовые доходы. Утверждалось, что личная собственность является способом удовлетворения потребностей граждан. Имущество, находящееся в личной собственности граждан, не должно служить для извлечения нетрудовых доходов, использоваться в ущерб интересам общества. Объем личной собственности строго ограничивался.

Юридические отношения собственности не исчерпывают реально существующих экономических и социальных отношений. Эти отношения направляются разнообразными интересами, действиями, оценками, солидарностями субъектов по поводу распределения объектов материального и духовного производства. Строгость российских законов, по М.Е. Салтыкову-Щедрину, смягчалась необязательностью их исполнения. В условиях определенной либерализации периода «развитого социализма» предпринимались попытки расширения прав трудовых коллективов, введение ограниченных рыночных отношений, стимулирующих трудовую и управленческую активность работников, применялось менее жесткое регулирование личной собственности. Но доминирующим правом владения и распоряжения государственной собственностью обладала бюрократия всех уровней. Она фактически вышла из-под общественного контроля, образовав замкнутую социальную группу. Вместе с тем наличие огромного объема государственной собственности и плановой системы хозяйства позволяло поддерживать социально приемлемый уровень жизни для большинства населения, формировать общественные фонды потребления, которые смягчали материальное и социальное неравенство, обеспечивая примерно одинаковый уровень потребления образовательных, медицинских, рекреационных услуг, развивать науку, культуру, обеспечивать высокий уровень специального образования. С проведением приватизации государственной и муниципальной собственности эти принципы социального выравнивания, защиты и попечения были утрачены, на смену им должны были прийти самостоятельность и предпринимательская активность населения, самостоятельно обеспечивающего себя всеми необходимыми благами. Толь-

ко слабые социальные группы могли претендовать на государственную поддержку. Но реальность оказалась не такой схематически правильной. Приватизация государственной собственности не смогла обеспечить повышение производительности общественного труда и рост на его базе доходов населения в ожидаемых масштабах. Сама приватизация собственности проводилась во многом неправомерными методами, что до сих пор ставит под сомнение ее легальность и легитимность.

Институциональные изменения в отношениях собственности в постсоветской России

Кардинальное изменение отношений собственности, начавшееся в России в начале 1990-х гг., означало изменение социально-экономического строя в стране, ликвидацию монополии Коммунистической партии, начало капиталистических преобразований, переход от плановой к рыночной экономике. Побудительные причины таких изменений лежали в глубоком экономическом кризисе российской экономики, который был вызван резким падением цен на нефть, исчерпанием ресурсов развития в рамках плановой организации экономики, отсутствием действенных механизмов и стимулов, мотивирующих высокоэффективную работу. Не последнюю роль сыграло наличие активных лоббистов ускоренной приватизации государственной собственности, оказавших влияние на руководство страны. Разгосударствление собственности было определено как ключевая стратегия экономической реформы, позволяющая создать эффективного собственника, действующего в условиях рыночной конкуренции. Экономическая реформа с самого своего начала напоминала напряженное противостояние в борьбе за собственность, поглотившее внимание всей страны. В.В. Бибихин ярко запечатлел этот процесс: «В той войне за собственность, которая сейчас идет уже по всему пространству в важном смысле еще не бывшего Советского Союза, — она уже захватила всех так глубоко, до оснований человеческого существа, что гражданская война в виде открытого военного противостояния у нас невозможна, ей некуда вместиться, злости на нее уже не хватает, потому что ее не хватает людям на войну за собственность, — люди падают задолго до того, как бросятся друг на друга и незаметно для себя, в раннем начале погони упустив спросить, кто такие они сами, которые ее ведут» [14, с. 39–46].

В истории разгосударствления собственности выделяются несколько условных этапов. В рамках первого этапа были проведены так называемые малая и чековая приватизации (1992–1994). Малая приватизация — продажа предприятий через аукционы — позволила приватизировать до 70 % предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания. Чековая приватизация (ваучеризация) крупных и средних предприятий дала преимущества при приватизации предприятий директорам и управленцам, а также теневым структурам, действующим через чековые инвестиционные фонды и использующим близость к организаторам приватизационного процесса. Отсутствие четкого правового регулирования, открытие рынков капитала привели к перетеканию собственности по криминальным каналам и не к созданию богатства внутри страны, а к выводу активов за рубеж. Одновременно была практически ликвидирована массовая частная собственность населения, существовавшая в виде личных накоплений, находящихся в основном в государственных банках.

Второй этап — 1995 г. — залоговые аукционы, проведенные с целью пополнения государственной казны за счет кредитов под залог государственных пакетов акций нескольких крупнейших государственных монопольных компаний. Ведущие предприятия нефтегазового сектора, крупнейшие порты, металлургические предприятия, находящиеся в федеральной собственности, были приватизированы по заниженной цене, что положило начало формирования олигархической прослойки в составе предпринимателей. Реализации этого этапа содействовало несколько условий: фактический провал денежной приватизации 1995–1996 гг. (прежде всего, отсутствие спроса на большинство продаваемых крупных пакетов акций); совпадение интересов правительства (пополнение доходной части бюджета любыми методами) и ряда банков (захват контроля в некоторых промышленных и добывающих корпорациях с минимальными издержками); наличие огромной задолженности предприятий бюджету и друг другу; развертывание новой войны за собственность между крупнейшими финансовыми и промышленными группировками России. К началу 1998 г. этот вариант был использован в отношении пакетов акций нефтяных холдингов «ЮКОС», «Сиданко», «Сибнефть», «Сургутнефтегаз», «Лукойл», а также РАО «Норильский никель» [16, с. 3–32].

Третий этап, длящийся с 1996 г. по настоящее время, характеризуется продажей государственных и муниципальных предприятий через инвестиционные конкурсы, зачастую далеко не прозрачные, допускающие сговор претендентов. Крупная собственность иногда продается на внутрироссийских и зарубежных биржах. Кроме того, продолжается интенсивная смена собственников в результате рыночных операций продажи, слияния, разделения, выделения объектов собственности. До сих пор нередко практикуется и отъем собственности путем рейдерского захвата, процедуры банкротства в пользу «своих» людей, другие противоправные действия.

На всех трех этапах отмечается участие в приватизации криминальных группировок, использующих как «мягкие», так «жесткие» методы вступления в права владения собственностью.

Следует отметить важное обстоятельство проведения приватизации и последующего перераспределения собственности. Они не сопровождались в России рациональной промышленной политикой, способной обеспечить рост экономики. Многие новые собственники, став владельцами предприятий, в основном занимались продажей имеющихся в их распоряжении активов, выводом полученных средств за рубеж и престижным потреблением. Воздействие государства на развитие экономики ограничивалось единичными точечными мерами без разработанной четкой стратегии, без выработки методики государственно-частного партнерства, предполагающей обеспечение наиболее значимых проектов финансовыми ресурсами. Государственно-частное партнерство способно развивать объекты государственной собственности без их приватизации, если они имеют жизненно важное значение для страны. Но эта технология используется в России не часто.

Одним из весомых изъянов при реформировании собственности было то, что на конституционном уровне не была урегулирована частная собственность юридических лиц, что обусловило отчуждение коллективов от владения и управления собственностью в России. По мнению видного юриста В.К. Андреева, произошло полное отчуждение трудящихся от средств производства, которые стали частными! При приватизации трудовой коллектив государственного (муниципального) предприятия целиком исключается из управления имуществом, а право полного хозяйственного ведения, которое юридически приравнивалось к праву собственности, трансформировалось в частную собственность коммерческой

организации. Зачатки частной трудовой собственности были загублены [17].

Существенному изменению были подвергнуты положения Конституции и Гражданского кодекса, относящиеся к собственности на землю. В Конституции (гл. 9) отмечается, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. При этом земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Законодатель установил, что владение, пользование и распоряжение землей и природными ресурсами осуществляются их собственником свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов других лиц. В соответствии с Законом РФ от 21 февраля 1992 г. N 2395-1 «О недрах» (в ред. от 18 июля 2008 г.) недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью. Участки недр не могут быть предметом купли, продажи, дарения, наследования, вклада, залога или отчуждаться в иной форме. Права пользования недрами могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому в той мере, в какой их оборот допускается федеральными законами.

Существенные изменения произошли в распределении горной ренты — дохода от хозяйственного, коммерческого или иного использования недр, извлечения запасов полезных ископаемых. В советский период происходило социально ориентированное использование горной ренты — для финансирования образования, здравоохранения и других социальных программ: во время расцвета нефтедобычи (1975–1985 гг.) 50 % госбюджета формировалось за счет полного безналогового изъятия горной ренты. Положение резко изменилось после приватизации предприятий нефтегазового сектора. Использование природных ресурсов в начале постсоветского периода, особенно в нефтяном секторе, осуществлялось в благоприятном налоговом режиме (2–3 % от стоимости товарной нефти в 1992–2001 гг.), что позволило в переходный к рынку период за короткое время создать финансовую олигархию. С января 2002 г. была введена новая схема налогообложения, давшая возможность изымать большую часть горной ренты, что наполняло бюджет страны до 45,5 % (2005 г.) по

сравнению с 21,6 % в 2003 г. [18]. Но значительная часть ренты остается у частных владельцев предприятий. Между тем недра — это общенародная собственность и, как писал академик Д.С. Львов, необходимо обращение ренты от использования природных ресурсов в общественные доходы, которые будут аккумулироваться в системе общественных финансов. Эта сумма рентных доходов и составила бы чистый доход общества, в котором все его члены имели бы равную долю. Доходы от использования природных ренты могли бы идти на развитие систем здравоохранения и образования, социальную помощь малоимущим слоям населения, а также на обеспечение воспроизводства минерально-сырьевой базы и сохранение окружающей природной среды [19].

Неоптимальное, стремительное, законодательно не отработанное разгосударствление собственности предопределило перекосы в отраслевой структуре экономики и падение, относительно советского периода, производительности труда. Даже по данным Росстата, который часто упрекают в необъективности, экономика демонстрирует недопустимо низкие показатели производительности труда. В 2015 г. только в сельском хозяйстве по сравнению с прошлым годом отмечен рост этого показателя (на 0,5 %), в строительстве производительность была на уровне прошлого года, во всех остальных отраслях отмечено его снижение [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm]. За более длительный период, который охватывают сроки выполнения президентских указов, намечалось повысить производительность труда с 2011 по 2018 г. на 50 %, но реальное повышение в 2012–2015 гг. составило только 4 %. Для выполнения намеченного в указе ежегодный рост должен составлять 20 %, что совершенно нереально.

В отраслевой структуре валовой добавленной стоимости Российской Федерации в 2015 г. максимальную долю занимала оптовая и розничная торговля, доля обрабатывающей промышленности составляла в 2015 г. 17,0 %, снизившись по сравнению с 2005 г. (см. табл. 1). Стабильна в этот период доля сельского хозяйства по сравнению с 2005 г., более-менее заметно (около 3 п.п.) выросли такие отрасли, как операции с недвижимостью, а также управление и обеспечение безопасности. В остальных отраслях изменения валовой добавленной стоимости не столь заметны — до 1 п.п.

Таблица 1. Отраслевая структура валовой добавленной стоимости Российской Федерации 2005–2010–2015 гг. (в текущих ценах; в процентах к итогу)

Отрасли	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Сельское хозяйство	5,2	4,3	5,2
Добыча полезных ископаемых	12,8	10,4	11,2
Обрабатывающая промышленность	18,5	17,7	17,0
Оптовая и розничная торговля	21,8	19,4	17,9
Все прочие отрасли	41,7	48,2	48,7
Итого	100	100	100

Источник: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm

Стагнация роста производительности труда и несовременная структура отраслей — это одни из заметных характеристик состояния экономики, ее медленной структурной перестройки и диверсификации. В пореформенный период снизился технический потенциал гражданских отраслей экономики, разрушались старые производства, на которых была занята основная часть работающего населения, а новые обрабатывающие производства почти не создавались.

Прирост числа вновь созданных предприятий, особенно обрабатывающих отраслей, в последнее десятилетие весьма невелик. В табл. 2 представлено число вновь созданных предприятий по основным видам экономической деятельности в 2005, 2010 и 2015 гг. В 2005 и 2015 гг. наибольшая активность по созданию предприятий была сосредоточена в сфере операций с недвижимо-

стью, в 2005 г. также активно создавались сельскохозяйственные предприятия, в 2015 г. — предприятия торговли, но в обрабатывающих отраслях число вновь вводимых предприятий не только не выросло, но и сократилось. Среди них предприятия, производящие машины и оборудование, требующие значительных капитальных вложений и организационных усилий, составляют незначительное число: 2005 г. — 67, 2010 г. — 25, 2015 г. — 56 предприятий на всю Россию. При этом основной прирост новых обрабатывающих производств приходится на пищевую промышленность (110) и металлургию (70). Как существенное достижение можно отметить, что было создано 70 новых предприятий по производству электрооборудования, электронного и оптического оборудования.

Таблица 2. Создание впервые (новых) предприятий в России*

Новые предприятия	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Всего по организациям — юридическим лицам	4885	1931	4089
Из них:			
Сельское хозяйство	993	124	150
Обрабатывающие производства	595	230	580
в т.ч. производство машин и оборудования	67	25	56
Оптовая, розничная торговля	508	473	766
Операции с недвижимым имуществом, аренда, предоставление услуг	1069	358	1091

* По организациям без субъектов малого предпринимательства, бюджетных организаций, банков, страховых и прочих финансово-кредитных организаций.

Новые показатели, разработанные Росстатом, — коэффициент рождаемости и коэффициент ликвидации предприятий — показывают, что второй показатель в 1,5 раза превышает первый [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/inst-preob/demo-org.htm]. Восстановление индустриального потенциала столь низкими темпами непосредственно сказывается на занятости населения и его профессиональной структуре. Доля занятого в

обрабатывающих производствах населения сократилась с 2005 по 2016 г. с 18,7 до 14,5% [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#].

Перетекание рабочей силы из промышленного сектора в сферу обслуживания и торговлю означает, помимо всего прочего, и утрату навыков квалифицированного индустриального труда и производственной дисциплины.

В секторе среднего, малого и индивидуального бизнеса сложились недостаточно благоприятные условия для развития, что также сказывается на занятости в этой сфере экономики. С 2008 по 2014 г. численность индивидуальных предпринимателей сократилась в стране на 2,7 млн человек, сейчас насчитывается 3,5 млн действующих предпринимателей — 2,2 % населения страны [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/reform/#]. Темпы роста количества зарегистрированных индивидуальных предпринимателей в нашей стране остаются низкими — ежегодно их число увеличивается на 4 %, в то время как количество ИП, прекративших свою деятельность, увеличивается на 11 %.

В отраслевой структуре малых и средних предприятий доминируют торговля и оказание услуг населению (в 2010–2015 гг. 38 и 36 % соответственно от числа средних и малых предприятий — юридических лиц), операции с недвижимостью (21 и 23 % соответственно) и строительство (по 11 %), занятость в обрабатывающих отраслях составляла в 2015 г. только около 9 %, сократившись по сравнению с 2010 г. на 0,7 % [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/itog2015/itog-spn2015.html]. Соответственно и отраслевая структура работающего населения не оптимальна. При сокращении общей численности занятых на средних и малых предприятиях в 2010–2015 гг. произошло уменьшение числа работающих на обрабатывающих производствах, в строительстве и торговле, одновременно более чем на 100 тыс. человек выросло количество занятых в операциях с недвижимостью [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/itog2015/itog-spn2015.html]. Заметим, что рост сферы услуг свидетельствует отнюдь не о вступлении в постиндустриальную фазу экономического развития, а скорее о разрушении индустриального базиса экономики при недостаточной развитости услуг информационного, научного, образовательного характера. Среди товаров и услуг малых предприятий в 2015 г. являлись инновационными только 1,6 %. Вообще для российской экономики характерен низкий удельный вес инновационных товаров, работ, услуг — 8,2 (2014 г.) и 7,9 % (2015 г.) в добыче полезных ископаемых, в обрабатывающих производствах, в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды; 12,8 (2014 г.) и 13,2 % (2015 г.) в сфере связи, деятельности, основанной на использовании вычислительной техники и информационных технологий, в научных исследованиях и разработках, предоставлении прочих видов услуг в общем объеме отгруженных товаров, вы-

полненных работ, услуг в этих отраслях [20, с. 522, 528–529].

В постиндустриальной экономике сферу услуг отличает высокий технологический уровень, она находится на пике информационных достижений, встраивается в экономику, во все ее отрасли как двигатель развития. В России эти виды услуг также развиваются, но со значительным отставанием и неравномерно по отраслям. Востребованность высокотехнологических и информационных услуг во многом диктуется уровнем индустриального развития экономики, а он сейчас довольно невысок.

Появление новых средних и малых предприятий в промышленности тормозится административными и экономическими барьерами. При этом на малых и средних предприятиях в сложной ситуации на рынке труда число рабочих мест не растет, даже сокращается.

За столь длительный период от начала приватизации экономическая и структурная эффективность экономики так и не достигли дореформенного уровня. Причины, по которым приватизация государственной собственности не дала ожидаемых результатов, анализируются экспертами разных специальностей. Основной вывод заключается в том, что были недостаточно подготовлены правовые и институциональные основы приватизации и трансформации отношений собственности, прежде всего по отношению к крупным государственным предприятиям. Обстоятельный анализ правовых и институциональных основ приватизации, их противоречивости и запаздывания по сравнению с практикой содержится в аналитическом докладе Счетной палаты РФ 2004 г. [21]. Темпы приватизации были столь стремительными, что за ними не поспевала законодательная база. Характерна оценка стратегии ускоренной приватизации, осуществленной в России, данная безусловным сторонником рыночной экономики и частной собственности видным венгерским экономистом Яношом Корнаи: «Здесь все характеристики данной стратегии проявились в крайней форме: навязанная стране ваучерная приватизация вкуче с массовыми манипуляциями при передаче собственности в руки менеджеров и приближенных чиновников. В этих условиях произошла не имеющая прецедентов в истории “реформа собственности”, в ходе которой природные ресурсы страны, особенно нефть и газ, были фактически экспроприированы “олигархами”» [<http://www.r-reforms.ru/kornai.htm>]. Корнаи определенно выразил поддержку стратегии органического, постепенного роста частного сектора, ко-

торая реализовывалась, например, в Польше и в Венгрии.

Вопросы о легитимности крупной частной собственности в России вызывают дискуссии уже давно — с начала процессов приватизации крупных предприятий. Сама эта приватизация рассматривается некоторыми юристами как негласный сговор между властью и сформированным ею крупным бизнесом, а не на базе общественного договора, заключаемого в публично-правовом пространстве. Произошедшее слияние власти и собственности предопределило все основные дефекты политико-правового развития страны в последующие годы. По мнению В.В. Лапаевой, современная Конституция РФ «проигнорировала наиболее существенный и трудный вопрос постсоциалистической трансформации — вопрос о принципах десоциализации общенародной социалистической собственности. В этом ключевом вопросе Конституция РФ была и остается основным законом развитого государства с рыночной экономикой, а вовсе не государства, осуществляющего сложный переход от одной формы собственности и основанного на ней устройства государственной и общественной жизни к другой форме собственности и к другому социально-политическому строю» [22]. В результате сложилась такая неофеодальная система «власть – собственность», в которой предприниматели всех уровней зависят от властных структур и макроэкономических рисков. Превращение предпринимательства в деятельность, подконтрольную власти, а не закону, существенно снижает самостоятельность предпринимателей, ограничивает их инвестиционную активность, стимулирует «бегство» капиталов за рубеж и паразитарное потребление вместо вложения капиталов в производство. У предпринимателей нет внутреннего ощущения правовой защищенности бизнеса, его безопасности как в прямом смысле слова, так и в смысле его легитимности и невозможности «отнятия по закону», или в результате «криминального банкротства», или рейдерского захвата. В свою очередь, крупные предприниматели оказывают влияние на власть, добиваясь преференций и выгодных для развития собственного бизнеса условий и бюджетного финансирования. Достигнуто выгодное обеим сторонам слияние собственности и власти, при том что говорить о равенстве условий для всех предпринимателей можно только с большой натяжкой. Это порождает чувство несправедливости, которое транслируется и в далекие от предпринимательства круги,

деформирует трудовые ценности и деловую активность среднего класса — основного поставщика предпринимателей в России.

К настоящему времени доля государственных предприятий составляет по разным оценкам от 50 до 70 % экономики России, остальная часть предприятий относится к частной и смешанной формам собственности. В России сформировалось многоукладное хозяйство, или смешанная экономика, как и в большинстве развитых стран мира.

Что же отличает именно современный российский вариант смешанной экономики? По данным Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, государственный сектор занимает существенное место в экономике страны. Из 100 крупнейших компаний страны в 28 участвует государство, в них работают 6,1 % занятых в экономике, их выручка составляет 2,8 % ВВП страны. Анализ отраслевой структуры показал, что крупнейшие компании с государственным участием присутствуют в 9 отраслях, большая часть из них функционирует в машиностроении (7 компаний), нефтяной и нефтегазовой промышленности (6), банковской сфере. При этом по данным за 1998, 2005, 2009 и 2014 гг. увеличилась доля государства в секторе машиностроения, нефтяной и нефтегазовой промышленности, банковской сфере. Уровень присутствия государства заметно снизился в отрасли химической и нефтехимической промышленности. Государство практически не представлено лишь в сферах торговли, цветной и черной металлургии [23].

Но в целом в экономике присутствие государства в последние годы наращивается. По данным Федеральной антимонопольной службы (ФАС), количество государственных и муниципальных унитарных предприятий за три года утроилось, они создают серьезную угрозу рынкам с развитой конкуренцией, поскольку используют административный ресурс и бюджетное финансирование. Расширение доли государства в экономике усиливает монополистические тенденции и в пока еще «не контролируемом государством экономическом пространстве». Вклад госкомпаний в ВВП вырос с 35 % в 2005 г. до 70 % в 2015 г. Предлагаемый ФАС план развития конкуренции должен создать стимулы для перехода от естественно-монопольного к конкурентному типу развития экономики [24].

Структура экономики — отраслевая и по формам собственности, как можно судить по достигнутым за два с половиной десятилетия результатам, не отличается эффективностью. Причина, по

мнению многих обществоведов — и экономистов, и социологов, и юристов, состоит в том, что центральные позиции в обществе занимает система «власть – собственность». Этот термин предложен Л. Васильевым, который считает, что этот феномен есть «имманентная специфическая сущность, квинтэссенция всех неевропейских (незападных по происхождению) обществ в истории» [25]. Сегодня эта система предстала как мутированное перерождение советской системы «власть – государственная собственность» в систему «власть – частная собственность». Не произошло отделения властно-государственных функций от технико-экономических функций, которые должны перейти к частному бизнесу или к управляющим государственной собственностью, действующим в условиях рыночных отношений. Сращивание власти и собственности происходит не только на общероссийском уровне, но и на уровне регионов, муниципальных образований, в отдельных населенных пунктах. Власть предстала в частнособственнической оболочке. Сложившаяся в постсоветской России общественную систему О.И. Шкаратан анализирует как этакратизм в новой фазе его развития, т.е. неэтакратизм. Роль государства по-прежнему определяющая, но не единственная, как это было в Советском Союзе, поскольку присутствует и частнособственническая рыночная компонента [26, с. 80–119]. Н.М. Плискевич еще 10 лет назад отметила, что в постсоветской России «сложилась четкая система взаимоотношений государственных чиновников, в том числе “силовиков”, и бизнесменов, в которой последние все более попадают в прямую зависимость от первых. Причем структура отношений на разных этажах “властной вертикали” идентична. Если высшее руководство строит свои отношения с “олигархами” в рамках институциональных форм, которые можно признать современной модификацией отношений “власти – собственности”, то региональная власть воспроизводит такие же формы на своем уровне, а местная власть, соответственно, выстраивает по тем же принципам отношения с малым и средним бизнесом на своей территории». Существует тесная взаимосвязь и устойчивость системы «власть – собственность» в России советского и постсоветского периодов [27, с. 119–131]. Есть основания считать, что в современной России ситуация не изменилась. Реальные отношения собственности включены в механизмы инвестирования средств в политические процессы. Участвующие в этих механизмах предприниматели, в свою очередь, по-

лучают дивиденды в виде монополизации рынков, контроля над финансовыми потоками, бюджетных вливаний, получения выгодных заказов через «липовые» тендеры и подобные преференции, возникающие в силу близости бизнесменов к властным структурам, тем более когда в одном лице слились предприниматель и управленец, руководитель. В этих условиях для экономического подъема и развития нет стимулов, направляющих созидательную энергию наиболее активных субъектов развития — предпринимателей и представителей среднего класса.

Кроме того, повсеместно нарушаются формальные правила взаимодействия, диктуемые законами, приоритет отдается неформальным сигналам, идущим из системы управления. В результате уровень доверия ко всем государственным органам у предпринимателей очень низкий. Данные Европейского социального исследования (ESS) свидетельствуют о меньшей степени доверия со стороны предпринимателей государственным и некоторым общественным организациям в России по сравнению с наемными работниками. При этом большая доля российских предпринимателей (не наемных работников) хотела бы жить в демократической стране. Но оценка уровня демократии в стране в настоящий период и у предпринимателей, и у наемных работников практически совпадает, причем оценка эта довольно низкая. Она значительно ниже, чем почти во всех странах, участвовавших в опросе. По результатам опроса предпринимателей, проведенного нами в 2016 г.¹, меньше всего доверяют представители

¹ В 2016 г. было опрошено около 100 предпринимателей. Три четверти из них в бизнесе более пяти лет, в равной степени представлены пять основных должностных позиций: (1) владелец фирмы, который не занимается непосредственным управлением; (2) владелец фирмы и одновременно ее директор; (3) наемный директор фирмы; (4) руководитель структурного подразделения фирмы; (5) индивидуальный предприниматель. 80 % опрошенных сказали, что получаемый ими доход позволяет жить так, чтобы не испытывать материальных затруднений, или этого дохода им хватает для жизни. Заметим, что в 2015 г. такую характеристику своего дохода дали только 50 % всего массива опрошенных в рамках мониторинга в России, а в развитых странах Запада подобный доход имеют 80–90 % населения (по данным ESS), в составе которого не только предприниматели. Основная часть опрошенных предпринимателей — это люди с высшим образованием — 68 %, со средним профессиональным и средним образованием — по 16 %. Это достаточно опытные люди с точки зрения возраста: только 20 % в возрасте до 35 лет, остальные 80 % старше — от 36 до 60 лет. Среди опрошенных — представители большинства сфер хозяйства: промышленное и сельскохозяйственное производство,

бизнеса проверяющим органам и организациям (им доверяют только 16 %). Реальную помощь предприниматели могут получить в основном от финансовых организаций и частных фирм. Местные региональные администрации не оказывают предпринимателям эффективной помощи, хотя, как показывает исследование, при наличии такой помощи бизнес идет более успешно. Но она доступна не всем, только некоторые предприниматели располагают этим социальным капиталом. При этом власть часто относится к бизнесу «как к кошельку», так считает половина компаний, опрошенных Российским союзом промышленников и предпринимателей. Все меньше предпринимателей отмечают, что власть воспринимает их как младшего или равного партнера, 15 % компаний убеждены, что власть рассматривает бизнес как «питательную среду» для коррупции.

Нельзя недооценивать значимость формального, соответствующего закону правила взаимодействия бизнеса и власти для становления гражданского общества и гражданской солидарности. Сегодня предприниматели не выведены в общественном сознании за пределы общества, занятие бизнесом не исключает для себя и для своих детей значительная часть населения, доверие к предпринимателям растет в последние годы. Наш опрос показал, что со своей стороны предприниматели отмечают улучшение отношений с населением. Предприниматели стали системным элементом социальной структуры общества, что еще более актуализирует необходимость изменения правового регулирования отношений бизнеса и государства, бизнеса и общества в лице наемных работников. Для функционирования частных предприятий важно преодоление административных барьеров, неправомерного регулирования их деятельности.

Неформальные личные взаимодействия, цепочки «личных связей» являются неотъемлемыми составляющими социального капитала предпринимателя, которые помогают решить проблемы наиболее оптимальным, эффективным и простым путем. В их числе и коррупционные связи, выстраиваемые в обмен на денежное вознаграждение, ма-

териальные ценности и услуги. Изучать реальные размеры и формы коррупции социологическими методами довольно сложно. Тем не менее наш опрос (100 респондентов-предпринимателей) показал, что для 56 % опрошенных коррупция является значительным и очень значительным препятствием для бизнеса. Детализация этого вопроса выявила, что необходимость делать подарки или доплачивать возникает при общении со многими организациями, с которыми предприятие взаимодействует. На первом месте по упоминанию были полиция, проверяющие органы и муниципальные чиновники. При этом 40 % опрошенных признались, что попадали в ситуацию, когда от них ожидали или требовали взятку при решении проблем их бизнеса. Выведение предпринимателей из ситуации вынужденного нарушения закона будет способствовать их социальной интеграции в ткань общества, росту их правосознания. По мнению А.Б. Гофмана, главная и наиболее эффективная форма социальной интеграции — это «жизнь по правилам», абстрактным, универсальным, находящимся над отдельными конкретными солидарностями, правилам, формируемым, одобряемым и разделяемым всеми социальными субъектами. Именно этой интегративной формы российскому обществу не хватает сегодня [28]. Основным субъектом, который предъявляет спрос на правовое государство, является средний класс, который начал формироваться в России с началом рыночных преобразований в виде аналога среднему классу западных стран. Сейчас он составляет, по нашим оценкам, не более 20 % взрослого населения страны и в значительной степени представлен мелкими и средними предпринимателями и самозанятыми [29]. Характерно, что численность среднего класса практически не росла за последние годы, когда укреплялась власть бюрократической прослойки в России и оказывал свое влияние экономический кризис.

Выводы

Таким образом, изменения в отношениях собственности в России за последнюю четверть века можно охарактеризовать как социально радикальные и недостаточно экономически эффективные. Остаются нерешенными вопросы о легитимности крупной собственности, особенно той, которая получена в результате проведения залоговых аукционов. В стране не удалось создать смешанную экономику с высоким уровнем конкуренции в большинстве отраслей. Экономика остается высоко монополизированной, предприятия находятся в тесной связке с властью на всех уровнях, что пре-

---

оптовая и розничная торговля, услуги населению — бытовые, туристические, бизнес-услуги, транспорт, строительство, здравоохранение. При этом размер организаций колеблется от менее 5 человек до свыше 250. В выборке представлены все размеры населенных пунктов — от столицы до сельской местности и 6 географических регионов: Центральный, Северо-Западный, Поволжский, Южный, Сибирский и Дальневосточный.

пятствует развитию рыночных институтов и конкуренции. На новом этапе экономического развития с очевидностью будет возрастать роль государства и государственных предприятий. В частности, ВПК может превратиться в движущую силу развития промышленности, но только при условии, что технологии, разработанные в военных отраслях, будут внедряться в гражданские сектора. Необходимость более тесного технологического взаимодействия оборонных и гражданских отраслей подчеркнута в указе Президента РФ «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»: «Практически отсутствует передача знаний и технологий между оборонным и гражданским секторами экономики, что сдерживает развитие и использование технологий двойного назначения» [30].

Параллельно необходимо действовать в направлении создания институциональных условий для становления полноценной рыночной экономики и конкуренции, чтобы сформировать потенциал будущего развития.

Список литературы

1. *Приватизация* в современном мире: теория, эмпирика, «новое измерение» для России: в 2 т. / науч. ред. А.Д. Радыгин. М.: ДЕЛО, 2014; М.: Издательский дом «Дело. РАНХиГС», 2014. Т. 1. 462 с.
2. *Права собственности, приватизация и национализация в России* / В. Тамбовцев, А. Рунов, Л. Григорьев и др.; общ. ред. В.Л. Тамбовцев; Фонд «Либер. Миссия». М.: Новое литературное обозрение: Фонд «Либеральная миссия», 2009. 495 с.
3. *Сухарев О.* Приватизация, национализация и экономическая реформа (принципы, критерии, теория дисфункции) М.: Финансы и статистика, 2013. 352 с.
4. *Лапаева В.В.* Приватизация социалистической собственности: конституционно-правовой и философско-правовой анализ // Электронные журналы издательства NOTABENE. URL: http://enotabene.ru/lr/article_10985.html (дата обращения: 18.04.2017).
5. *Никольский С.* Собственность и собственное. Российское общество в поисках двигателя перемен // Независимая газета. 2015. 21 янв.
6. *Попова И.П.* Отношение к частной собственности в различных социально-профессиональных группах // Социология власти. 2009. № 1. С. 6–8.
7. *Собственность* и бизнес в жизни и восприятии россиян / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, А.Ю. Чепуренко. М.: Наука, 2006. 392 с.
8. *Яжборовская И.С.* Трансформация отношений собственности в постсоциалистических странах: успехи и проблемы // Россия в глобальном мире: социально-политические проблемы / отв. ред. Ю.С. Оганьян. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 321–361.
9. *Бурганов А.Х.* Извечные русские вопросы в зеркале современности // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 97–102.
10. *Бауман З.* Текущая модерность: взгляд из 2011 года. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (дата обращения: 18.04.2017).
11. *Аристотель.* Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1984. 830 с.
12. *Плетников Ю.К.* Собственность и богатство. Интеллектуальная хроника раннего капитализма в Западной Европе / науч. ред. В.Н. Шевченко. М.: Прогресс–Традиция, 2014. 257 с.
13. *Лапаева В.* Приватизация социалистической собственности: конституционно-правовой и философско-правовой анализ // Электронные журналы издательства NOTABENE. URL: http://enotabene.ru/lr/article_10985.html (дата обращения: 18.04.2017).
14. *Бибихин В.В.* Проблема собственности // Гуманитарные науки в России. Психология. Философия. М., 1996. С. 39–46.
15. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2011. 512 с.
16. *Радыгин А.* Российская приватизация: национальная трагедия или институциональная база постсоветских реформ? // Мир России. 1998. № 3, т. VII. С. 3–32.
17. *Андреев В.К.* О праве частной собственности в России (критический очерк). М.: Волтерс Клувер, 2007. 176 с.
18. *Кимельман С.* Куда в России деваются нефтяная рента // Промышленные ведомости. URL: <http://www.promved.ru/next/article/?id=768> (дата обращения: 18.04.2017).
19. *Львов Д.* Стратегия развития России // Перспективы: электронный журнал. URL: http://www.perspektivy.info/table/strategija_razvitiya_rossii_2007-03-16.htm (дата обращения: 18.04.2017).
20. *Российский* статистический ежегодник: стат. сб. 2016. М., 2016. 725 с.
21. *Анализ* процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие). М.: Олита, 2004. 186 с.
22. *Право* и национальные традиции. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 5–41. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1541&Itemid=52 (дата обращения: 18.04.2017).

23. Государственное участие в российской экономике: госкомпании, закупки, приватизация: бюллетень о развитии конкуренции. 2016. Март. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/8449.pdf> (дата обращения: 18.04.2017).
24. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации. М., 2016. URL: http://fas.gov.ru/upload/aboutfas/Doklad_3.pdf (дата обращения: 18.04.2017).
25. Васильев Л.С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации: кол. монография. М., 2000. С. 96–114.
26. Шкаратан О.И. Социальная система, обращенная в прошлое. Часть 2 // Социологический журнал. 2015. Т. 22, № 4. С. 80–119.
27. Плискевич Н.М. Власть-собственность в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России. 2006. № 3 (т. 15). С. 119–131.
28. Гофман А.Б. Солидарности и «абстрактные правила» в обществах XXI века // XIV Апрельская конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 4 / отв. ред. Е.Г. Ясин. М., Изд. дом ВШЭ. 2016. С. 249–256.
29. Беляева Л.А. Социокультурные вызовы российской модернизации: пространство, человеческий капитал и структуризация общества // Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: ВЕСЬ МИР, 2016. С. 45–86.
30. «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»: указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г.. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.04.2017).
- disfunction)]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2013, 352 p. (In Russian).
4. Lapaeva V.V. *Privatizatsiya sotsialisticheskoy sobstvennosti: konstitutsionno-pravovoy i filosofsko-pravovoy analiz* [Privatization of Socialistic Property: Constitutional and Legal, Philosophical and Legal Analysis]. *Elektronnyye Zhurnaly izdatelstva NOTABENE* [E-magazines of the Publishing House NOTABENE]. Available at: http://e-notabene.ru/lr/article_10985.html (accessed 18.04.2017). (In Russian).
5. Nikolskiy S. *Sobstvennost i sobstvennoe. Rossiyskoe obschestvo v poiskakh dvigatelya peremen* [Property and Proprietary: Russian Society in Search of The Engine for Change]. *Nezavisimaya gazeta* [The Independent Newspaper]. 2015. 21 Jan. (In Russian).
6. Popova I.P. *Otnoshenie k chastnoy sobstvennosti v razlichnykh sotsialno-professionalnykh gruppakh* [Attitude to Private Property in Different Social and Professional Groups of People]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. 2009, no. 1, pp. 6–8. (In Russian).
7. *Sobstvennost i biznes v zhizni i vospriyatii rossiyan* [Property and Business in Life and Vision of the Russians]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 392 p. (In Russian).
8. Yazhborovskaya I.S. *Transformatsiya otnosheniy sobstvennosti v postsotsialisticheskikh stranakh: uspekhi i problemy* [Transformation of Property Relations in Postsocialistic Countries: advances and problems]. *Rossiya v globalnom mire: sotsialno-politicheskie problemy* [Russia in Global World: Social and Political Issues]. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Science Publ., 2008, pp. 321–361. (In Russian).
9. Burganov A.Kh. *Izvechnye russkie voprosy v zerkale sovremennosti* [Interminable Russian Problems Reflected in the Mirror of Modernity] *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2002, no. 4, pp. 97–102. (In Russian).
10. Bauman Z. *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>. (accessed 18.04.2017). (In Russian).
11. Aristotel. *Sochineniya v 4 tomah*. [Works in 4 Volumes]. Moscow, 1984, vol. 4, 830 p. (In Russian).
12. Pletnikov Yu.K. *Sobstvennost i bogatstvo. Intelktualnaya khronika rannego kapitalizma v Zapadnoy Evrope* [Property and Wealth. Intellectual Chronicle of Early Capitalism in Western Europe]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2014, 257 p. (In Russian).
13. Lapaeva V. *Privatizatsiya sotsialisticheskoy sobstvennosti: konstitutsionno-pravovoy i filosofsko-pravovoy analiz* [Privatization of Socialistic Property: Constitutional and Legal and Philosophi-

Получено 03.06.2017

References

1. *Privatizatsiya v sovremenном mire: teoriya, empirika, «novoe izmerenie» dlya Rossii: v 2 t.* [Privatization in Contemporary World: Theory, Empirics, «new dimension» for Russia: in 2 vol.]. Moscow, DELO Publ., RANKhiGS Publ., 2014, vol. 1, 462 p. (In Russian).
2. *Prava sobstvennosti, privatizatsiya i natsionalizatsiya v Rossii* [Proprietorship, Privatization and Nationalization in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., Fond «Liberalnaya missiya» Publ., 2009, 495 p. (In Russian).
3. Sukharev O. *Privatizatsiya, natsionalizatsiya i ekonomicheskaya reforma (printsipy, kriterii, teoriya disfunktsii)* [Privatization, Nationalization and Economic Reform (principles, criteria, theory of

- cal and Legal Analysis] *Elektronnyye Zhurnaly izdatelstva NOTABENE* [E-magazines of the Publishing House NOTABENE]. Available at: http://e-notabene.ru/lr/article_10985.html (accessed 18.04.2017). (In Russian).
14. Bibikhin V.V. *Problema sobstvennosti* [Problem of Ownership] *Gumanitarnye nauki v Rossii. Psikhologiya. Filosofiya* [Humanities in Russia: Psychology. Philosophy]. Moscow, 1996, pp. 39–46. (In Russian).
  15. Rayzberg B.A., Lozovskiy L.Sh., Starodubtseva E.B. *Sovremennyy ekonomicheskiy slovar* [Contemporary Dictionary of Economic Terms]. Moscow, INFRA-M Publ., 2011, 512 p. (In Russian).
  16. Radygin A. *Rossiyskaya privatizatsiya: natsionalnaya tragediya ili institutsionalnaya baza postsovetsskikh reform?* [Privatization in Russia: National Tragedy or Institutional Basis of Post-Soviet Reforms] *Mir Rossii* [World of Russia]. 1998, no. 3, vol. VII, pp. 3–32. (In Russian).
  17. Andreev V.K. *O prave chastnoy sobstvennosti v Rossii (kriticheskiy ocherk)* [On the Right of Private Property in Russia (critical essay)]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2007, 176 p. (In Russian).
  18. Kimelman S. *Kuda v Rossii devaetsya neftyanaya renta* [Where goes oil rent in Russia?] *Promyshlennyye vedomosti* [Industrial Journal]. Available at: <http://www.promved.ru/next/article/?id=768> (accessed 18.04.2017). (In Russian).
  19. Lvov D. *Strategiya razvitiya Rossii* [Strategies of the Development of Russia]. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal* [Prospects. E-magazine]. Available at: http://www.perspektivy.info/table/strategiya_razvitiya_rossii_2007-03-16.htm. (accessed 18.04.2017). (In Russian).
  20. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik*, 2016 [Russian Statistic Annual, 2016]. Moscow, 2016. 725 p. (In Russian).
  21. *Analiz protsessov privatizatsii gosudarstvennoy sobstvennosti v Rossiyskoy federatsii za period 1993–2003 gody (ekspertno-analiticheskoe mero-priyatie)* [Analysis of the Process of Privatization Of the Public Ownership in Russian Federation from 1993 till 2003 (Expert Analytics)]. Moscow, Olita Publ., 2004, 186 p. (In Russian).
  22. *Pravo i natsionalnye traditsii. Materialy kruglogo stola* [Rights and National Tradition. Proceedings of the Round Table]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2016, no. 12, pp. 5–41. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1541&Itemid=52 (accessed 18.04.2017). (In Russian).
  23. *Gosudarstvennoe uchastie v rossiyskoy ekonomike: goskompanii, zakupki, privatizatsiya. Byulleten o razvitii konkurentsii* [State Participation in Russian Economy: State Companies, Public Procurement, Privatization. Bulletin on the Development of Competition]. 2016, Mart. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/8449.pdf> (accessed 18.04.2017). (In Russian).
  24. *Doklad o sostoyanii konkurentsii v Rossiyskoy Federatsii* [Report on the Competition Level in Russian Federation]. Moscow, 2016. Available at: http://fas.gov.ru/upload/aboutfas/Doklad_3.pdf. (accessed 18.04.2017). (In Russian).
  25. Vasilev L.S. *Vostok i Zapad v istorii (osnovnyye parametry problematiki)* [East and West in History (Basic Criteria of the Problem). *Alternativnye puti k tsivilizatsii: Kol. Monografiya* [Alternative Routes to Civilization: Multi-authored Monograph]. Moscow, 2000, p. 96–114. (In Russian).
  26. Shkaratan O.I. *Sotsialnaya sistema, obraschennaya v proshloe. Chast 2* [Social System Facing The Past. Part 2] *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. 2015, vol. 22, no. 4, pp. 80–119. (In Russian).
  27. Pliskevich N.M. *Vlast-sobstvennost v sovremennoy Rossii: proiskhozhdenie i perspektivy mutatsii* [Power-Property in Contemporary Russia: Origins and Prospects of Mutation]. *Mir Rossii* [World of Russia]. 2006, no. 3 (vol. 15), pp. 119–131. (In Russian).
  28. Gofman A.B. *Solidarnosti i «abstraktnyye pravila» v obschestvakh XXI veka* [Solidarity and «Abstract Rules» in Society of the 21 century]. *XIV Aprelskaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obschestva: v 4 kn.* [XIV April Conference on the Problems of Development of Economy and Society: in 4 books]. Moscow, High School of Economy Publ., 2016, book 4, pp. 249–256. (In Russian).
  29. Belyaeva L.A. *Sotsiokulturnyye vyzovy rossiyskoy modernizatsii: prostranstvo, chelovecheskiy kapital i strukturatsiya obschestva* [Social and Cultural Challenges of the Russian Modernization; Space, Human Capital Asset and Structuralization of Society]. *Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokulturnyye tendentsii i problem* [Atlas of Modernization of Russia and Its Regions: socioeconomic and sociocultural tendencies and problems]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2016, p. 45–86. (In Russian).
  30. *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 01.12.2016 «O Strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii»* [Edict of the President of Russian Federation from 1 December 2016 «On the Strategy of Scientific and Technological Development in Russian Federation»]. Available at: <http://pravo.gov.ru> (accessed 18.04.2017). (In Russian).

The date of the manuscript receipt 03.06.2017

Об авторе

Беляева Людмила Александровна
доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник Центра изучения
социокультурных изменений

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: bela46@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0538-7331

About the author

Belyaeva Ludmila Alexandrovna
Doctor of Sociology, Leading Research of the Centre
for the Study of Social and Cultural Change

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russia;
e-mail: bela46@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0538-7331

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Беляева Л.А. Приватизация собственности в постсоветской России: социальный радикализм и экономическая эффективность // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 444–459. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-444-459

Please cite this article in English as:

Belyaeva L.A. Privatization of property in Post-Soviet Russia: social radicalism and economic effectiveness // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 444–459. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-444-459